

В разгар половодья Аграфена родила мальчика, который с трудом появился на свет. Он молчал, и бабке Акулине пришлось шлёпнуть его по ягодице, скользкой и окровавленной, после чего мальчик заорал, как будто обидевшись на белый свет. В селе сразу обозвали его «бастрюком», так как Аграфена, не дождавшись своего мужа с войны, поддалась горячим ласкам одного из колчаковцев, эскадрон которого остановился в селе на двое суток. Никто Аграфену не осудил, т.к. жизнь человеческая в гражданскую войну была скоротечной, а чаще всего безумной. Несмотря на то, что Аграфена Остроушко родила троих детей, фигура её оставалась по-прежнему статной, поднятой. Длинные ноги в лёгкой походке были упругими и быстрыми. Длинные чёрные волосы были перехвачены на затылке резинкой, а на широкий лоб свисали небольшие завитушки, которые соприкасались с такими же чёрными бровями. Её широкий подбородок разделяла ямочка, в которой виднелась маленькая бородавка. На неё заглядывались многие мужики села, но она не позволяла никому из них притронуться к себе. Одна

свекровь Аксинья ей выговорила: «Мои родненькие пущай приходят, а твоего бастрюка, чтоб глаза мои не видели». Так и рос бастрюк – Афоня, защищаемый лишь двумя старшими братьями. Первое испытание Афоня выдержал в четыре года, когда соседский подросток предложил ему лизнуть, якобы сладкий, на морозе топор. Афоня то ли с жадности приложил к топору не кончик языка, а его половину, да так и застыл с выпученными глазами. Старший брат Митька вступил в драку с соседом, а младший Коля взял топор в свои руки и повёл Афонию в хату. Прибежавшая Аграфена застала детей у голландки, на плите лежал топор, а над ним – склонённый Афоня. Когда губы его оттаяли, он впервые издал мычание. Слезы с его глаз текли на топор, а затем на горячую плиту, от которой поднимался чуть заметный пар. Неделю Аграфена нарезала ломти картошки, охлаживала их, а затем накладывала на бордовый язык Афони. Всё обошлось хорошо, только с той поры Афоня стал чуть как-то шепелявить.

В августе 1928 года несколько подростков с улицы решили полакомиться ранетками, выращенными

в большом саду купца Мельникова. Сад располагался на краю села, у озера. Забор был невысоким, но по всему периметру его бегали огромные собаки, громыхая цепями. Сам купец давно куда-то съехал, оставив двухэтажный дом своему управляющему – Гавриилу Нестеренко. Гавриил успешно управлял магазином и маслосырзаводом. Селяне завидовали Гавриилу, покупая и обменивая на мясо и яйца ярко-красные яблочки, которые были размером чуть больше голубиного яйца. Мальчишки провели днём разведку и решили: трое меньшаков, в т.ч. и Афоня, должны были отвлекать собак со стороны оврага, вдоль которого проходила южная сторона забора, а старшаки – лет уже по 13, в т.ч. и брат Афоня – Коля, должны были перелезть забор с северо-востока, у озера. Вначале всё шло по плану. Но когда затрещали ветки в саду, одна из собак бросилась на шум, а вторая продолжала облаивать отвлекающих. В саду послышался крик, из сторожки выскочил охранник и спустил с цепи третьего пса, привязанного у сторожки. Пёс ринулся сразу к оврагу, и первым, на кого он набросился, оказался Афоня. Прижавшись к забору, он отчаянно отбивался руками и ногами от разъярённого пса. Когда пёс укусил его за ногу, Афоня заорал благим голосом. Подбежавший охранник отпугнул пса и, взяв Афоню за ухо, повёл его в сторожку. Прибежавший домой Коля, рассказал о случившемся матери. Аграфена, накинув на себя зипун, в одной рубашке побежала через всё село к сторожке. Ночь была тихая и ярко-звёздная. Сторож – дед Евсей Цикало, при каганце прикладывал смоченную в солёной воде тряпку к ранам на ногах и руках Афоня, лежащего на топчане. «Ты лучше по-

просьб бы, я б тебе и так дав бы по-пробовать ци яблочки, – бурчал дед, рассматривая близорукими глазами раны на ноге Афоня. – Кажы, хто ще був с тобой, а то опять собаке отдам», – со скрытой усмешкой в глазах продолжал дед. «Нет, нет, деда, я всё расскажу!» – прокричал Афоня. После рассказа Афонии дед покачал головой, поохал и, опуская штанины на ногах Афонии, с грустью проговорил: «Всим яблочко охота, а растыть его нэ хочуть, да и нэ умиють. Иды домой, хлопчик, да Груше скажи, шоб она глядыла за вами. В саду тоже кому-то из твоих досталось. Цэ наука будэ до вас. В следующий раз порка вам будэ принародно. Дошло!?» – «Понял, понял я, дедушка! Больше не будем», – кривясь от боли, пролепетал Афоня и вышел из сторожки. В переулке, ведущем к магазину, мать с сыном встретились. Получив несколько подзатыльников, Афоня понуро поплёлся за матерью. Утром Аграфена встретила деда Евсея, возвращавшегося с беспокойного ночного дежурства, и попросила прощения за шкодность своих сыновей. В течение месяца она прикладывала к трудно заживающим ранам пепел от шерсти пса, покусавшего Афоню. В 1929 году управляющий уехал из села, оставив своё хозяйство райпотребкооперации. Но даже тогда, когда сад оказался бесхозным, сыновья Аграфены не посмели зайти в него.

Через 2,5 года, после того как Аграфена проводила в Армию своего старшего сына, черёд пришёл идти служить и для Николая. Проводить внука пришла и бабушка. Она впервые села за стол, за которым находился и Афоня. Украдкой зыркая то на внука, то на Афоню, она впервые, к своему удивлению, находила в них много

общего, разница лишь была в том, что Николай был коренастым и русоволосым, а Афоня – долговязым и чёрным, как старший – Митя. «В мать пошли, а Коля – вылитый сыночек», – подумала старушка, и слёзы закрыли её и без того узкие глаза. И хотя Афоня называл её бабушкой, наливая ей вино, старушка не отвечала ему, терзаясь в душе: «Господи! Направь меня на путь истинный! Правильно ли я поступаю к невинному чаду?» Не смогла Аксинья переломить себя и тогда, когда перекрещивала Николая, благословляя его в неведанный путь.

В начале октября 1939 года домой вернулся Дмитрий. Возмужавший и серьёзный, он поражал гостей, прибывающих на семейное торжество. После застолья они отправились с Афоней в клуб, который располагался рядом с брошенным садом, в бывшей конюшне купца. После кино скамьи были сдвинуты по сторонам, и на освобождённой площадке начались танцы. Дмитрий сразу пригласил Алёну Половкову, и у Афони защемило сердце, то ли от ревности, то ли от своей застенчивости перед девушками. Алёна была красивой. Даже её высокий рост и полнота придавали ей особую статность и грациозность. Чёрные глаза её излучали искринки постоянной насмешки, а широкие брови накладывали на её лицо строгость и неприступность. Правильные черты её лица чётко подчёркивали плотно сжатые губы. Она давно нравилась Афоне. Из-за неё он даже подрался однажды, в седьмом классе, с пареньком, ранее окончившим школу. Что-то постоянно сдерживало его подойти к ней, проводить домой. Да и выше она была Афони, почти на голову. Все девушки пялились на Митьку, и Афоня совсем потерял интерес к

танцам. В конце танцев, как всегда, зазвучал вальс «Амурские волны», заведующая клубом объявила: «Дамы приглашают кавалеров!» Вдруг к Афоне подошла Алёна и тихо сказала: «Пойдём, Афоня, покружимся». Запинаясь, не поднимая глаз, Афоня кружил девушку по залу. Он покрылся потом, хмель с него вылетел, но он прочно удерживал девушку. А когда танец закончился, чему Афоня обрадовался, услышал от девушки: «Афоня, ты проводи меня домой». Он растерялся, всё в нём оборвалось, и он тихо промямлил: «А можно?» Девушка взяла его за руку и потянула на выход. Утром, за завтраком, Дмитрий с усмешкой спросил: «Ну, как тебе Алёна? Ты достаёшь её для поцелуя? Или она на колени перед тобой вставала!» – «Это не твоё дело!» – зло ответил Афоня.

Недолго продолжались свидания Афони с Алёной до утра. В последних числах октября неожиданно пришла повестка, и Афоня вместе с одиннадцатью парнями села отправился служить на азиатскую границу. На вечер проводов пришла и Аксинья. Весь вечер она молчала, а в конце вдруг поднялась, подошла к Афоне и сказала: «Ты, Афоня, меня прости, старую дуру. Внучек ты мне». Сидевший Афоня подскочил, обнял бабушку и с комом в горле хрипло проговорил: «Нет, бабушка, твоей вины! Я с детства тебя понимал. Это ты меня прости, если я когда-либо тебя обидел». Старушка отпрянула от него, поцеловала в лоб и, перекрестив, сказала: «С богом служи и возвращайся домой, внучек». Она развернулась и, шаркая ногами, вышла из комнаты.

За погостом села, вдоль которого уходила дорога на райцентр, сошлись две провожающие компании. В сторонке Афоню ждала

Алёна. Они отошли в сторону, о чём-то говоря и целуясь. Когда повозки с призывниками скрылись за степным холмом, к Алёне подошла Аграфена, обняла её правой рукой за плечи и тихо проговорила: «Любит он тебя, и давно! И ежели и он тебе люб, то жди. Хотя три с половиной года – немалый срок». Алёна прильнула головой к груди Аграфены и прошептала: «Люб он мне давно! Да мы всё стеснялись открыться. Я сколько угодно буду его ждать, тётъ Груша!»

Дважды смерть просвистела у Афони в горах Туркмении. Первый раз на первом году службы, когда он попал весной с лошадей под камнепад. Лошадь унесло, а он успел нырнуть под скалу. Два дня откапывали его пограничники, освобождая из-под завала. Отделался лишь синяками. Во время войны, почти еженедельно, приходилось вступать в бой с различными нарушителями границы. Правда, в 45 году на границе наступило затишье. А за месяц до дембеля, в сентябре 1946 года, во время обучения новобранцев, в основном из числа таджиков и узбеков, чуть не произошла трагедия. Один из новобранцев, придя с обхода границы, разряжая винтовку, оставил патрон в стволе. Передёрнув затвор, он сделал контрольный спуск, и винтовка выстрелила. Пуля прошла между правой рукой и животом Афони, звякнув в камень стены казармы. Начальник заставы, вручая Афоне лычки старшего сержанта, сказал: «Езжай быстрее домой, ты наш везунчик! Спасибо тебе за службу. Рапорт на награждение тебя орденом я отправил в штаб. Так что дома от нашего имени его вручит тебе военкомат». Уже у машины к Афоне подошёл солдат, который чуть не убил Афо-

ню, обнял его и, вручая узорную тубетейку, сказал: «Теперь ты моя брат! Я всегда буду ждать тебя в Душанбе. Как велишь, я сразу приеду к тебе, в Кулундинскую степь».

Много воды и слёз утекло за семь лет. Похоронили Аксинью, так и не дождавшую своего сына Ивана и троих внуков. Вскоре уехала и её сноха с двумя внуками к своим родителям в Магнитогорск, куда были они сосланы в 30 году. Дом Аксиньи, на углу переулка крайней улицы, Аграфена заколотила. Вечерами Алёна часто забегала к Аграфене после вечерней дойки на колхозной ферме. Они перечитывали письма солдат, плакали и смеялись, а когда пришла похоронка на Николая, Аграфена замкнулась, старалась быть в одиночестве. В начале 1945 года из Омска пришло извещение о том, что в госпитале умер тяжело раненный Дмитрий, и если есть возможность, то его можно похоронить дома. Срок – пять дней. Аграфена обратилась в правление колхоза с просьбой дать ей какую-то технику, чтобы привезти сына. Долго двое мужчин и три женщины объясняли ей, что это невозможно. Полторка не пройдёт, а три трактора гусеничные с темна и до темна заняты. Правление выделило ей деньги, и Аграфена на поезде выехала в Омск. Четверо фронтовиков, из них один офицер, были похоронены с воинскими почестями на кладбище, у окраины города. Одна Аграфена осталась стоять у крайней могилы своего Мити. Нет, она не голосила! Её сердце камнем, казалось, застыло, и только слёзы неудержимо катились с её воспалённых глаз. Вернулась Аграфена поздно в село. В её хате горела лампа, а у окна сидела Алёна. И только в объятии девушки Аграфена за

все дни, дала волю своим эмоциям. Алёна сбегала домой, чтобы предупредить родителей о том, что она будет ночевать у тёти Груши. Она теперь часто оставалась у Аграфены, пытаясь хоть как-то утешить её в горе. Через день писала Алёна письма на заставу. Она умоляла Афоню беречь себя, единственного для них с матерью. Когда Аграфена работала на току в ночь, Алёна ночевала с родителями, но в обед они всегда встречались, чтобы взглянуть в почтовый ящик.

От станции колхозная полуторка, подпрыгивая словно мячик, ужом катилась по солончаковой дороге. Наконец-то она зафыркала у дома Алёны, и из неё спрыгнул Афоня. На нём ладно сидела шинель; фуражка с зелёной каймой, надвинутая на его широкие чёрные брови, придавала его лицу вид взрослого мужчины. И только припухшие губы по-прежнему напоминали того мальчишку, который лазил в чужой сад. Вырастив 5-х дочерей, Борис Половков так и не дождался рождения своего наследника. Двоим израненным зятевьям было не до стариков, а двое так и не вернулись с войны. На одного пришла похоронка, а второй пропал без вести. Вся надежда была на младшенькую дочь. Поэтому когда в их дом вошёл Афоня, они так были поражены браво выглядевшим военным, что не смогли привстать, чтобы поприветствовать будущего зятя. Пока хозяйка, с трудом передвигаясь, собирала на стол, а Афоня подносил им подарки, рассказывая о горах и службе, за окном стемнело, а на пороге появились Аграфена с Алёной. Они обе повисли на мундире Афони, заголосили, обцеловывая его подстриженную голову. «А мне Лёша сказал, что завёз тебя сюда! Я сра-

зу за тётъ Грушей и вот!» – с пылающим лицом рассказывала Алёна. Когда все уселись за столом, старик тяжело приподнялся и сказал, держа трясущейся правой рукой стакан: «Ну, вот, дочка, наконец-то дождалась ты своего солдата. Даст бог, всё у вас будет хорошо. С возвращением тебя, Афанасий! Бачу, шо ты хорошо прослужив, а главное, живым вернулся». В полночь лишь Аграфена спохватилась, что у неё не доена корова. Прощаясь с хозяевами, она сказала Афоне: «Ну, ты ж, сынок, пораньше домой приходи, я лампу гасить не буду».

Проснувшись перед утром, Аграфена подскочила с постели и стала зажигать лампу, но закопчённый фитиль не загорался, т.к. в лампе не осталось керосина. Она на цыпочках прошла в горницу, но на приготовленной ею кровати сына не оказалось. Она вернулась в свою кровать, но сон её не брал. «Они ж почти 7 лет ждали встречи, какие им там родители! А хорошо, что меня тогда казак усатый увлёл. Те две ночи с ним и сейчас живы со мной. Они ведь были последними в моей бабьей страсти. Живой ли мой последний мужик. Эх, Роман, Роман! Говорил, что сразу вернётся ко мне, как закончится война. Наверное, где-то сгинул. Эх, Рома! Видел бы ты нашего сына!» В памяти вдруг всплыл образ её мужа и его сыновья. Аграфена зарыдала, уткнувшись в подушку, затем она резко откинула одеяло, встала с кровати и прошипела: «Хватит выть! Полсела осталось вдов! А сколько сирот!? А у меня сын вернулся! Да ещё какой!»

Свадьбу сыграли на Новый год. И опять Афоне не обошлось без приключений. Когда тройка, запряжённая в розвальни, мчалась с молодожёнами по улице, на их пути, у хаты Аграфены, загорелся

костёр из соломы. Обычно на всех свадьбах тройки перепрыгивали через костёр и мчались дальше. С ними же произошёл конфуз. Уже у самого костра стремной резко прыгнул вправо, сани перевернулись, и молодожёны вылетели в костёр. Алёна быстро подхватила, замарав золой лишь руки. Подвыпивший жених же завалился боком на костёр и, хохоча, махал руками. Алёна стащила его с костра, бок его «москвички» уже прогорел. Она быстро раздела его и начала бить пальто о снег. Когда она увидела, что и пиджак тлеет на Афоне, Алёна бросила пальто и, повалив Афону в снег, начала загребать его снегом. Жених воспринял это как игру, встал и начал обсыпать снегом невесту. Лишь когда бок Афони припекло, он понял, что с ним не шутят. Он стал хватать снег и втирать его в бок. Измазанные в золе молодожёны предстали перед хохочущими гостями. Когда весёлый гвалт притих, родные начали приводить молодожёнов в порядок. Всё село завидовало счастливым молодожёнам, поселившимся в доме бабушки Аксины. Не захотела Алёна жить с родителями, как они её ни упрашивали. В откровенном разговоре с матерью она сказала: «Мама, ты не обижайся. Пойми, так будет лучше и для свекрови, и для вас. А помогать мы вам будем во всём. А когда кто-то из вас сляжет, не дай бог, мы заберём к себе. Дом у нас большой, места всем хватит».

В сентябре, когда Афоня тащил своим трактором ХТЗ комбайн, косивший низкорослую пшеницу, к ним подъехал на ходке бригадир Константин Ясько. Поздоровавшись, он, пожимая руку Афони, с особым интересом рассматривал его, как будто увидел впервые. «Ты чего, Фролович, как копейку, меня

оглядываешь», – спросил недовольно его Афоня. Он уже повернулся, чтобы уйти к тархтящему трактору, но бригадир удержал его и с улыбкой спросил: «Ты что же, Афоня, скрываешь от земляков, шо ты геройски охранял границу в период войны?» Афоня остановился, повернул голову к бригадиру и через плечо ответил: «Тебе бы там побывать, где даже дышать трудно, не то что бусурманов сдерживать. Иван, залазь на комбайн, поедем». – «Да не обижайся ты, Афоня! Тебе сегодня в шесть вечера надо быть при полном параде в клубе. Районное начальство приедет, тебе медаль или орден вручать будут. Так что вы сегодня пораньше заканчивайте». Бригадир уехал, а Афоня, ведя свой ХТЗ вдоль скоса полосы, невольно вспоминал высокие горы Туркмении. В клубе собралось много народа. За столом президиума собрания сидели четыре человека. Афоня, сидя перед людьми, не знал, куда девать руки, на его лбу блестела испарина. «На границе, небось, так не волновался, Афанасий Романович!» – дружелюбно сказал ему секретарь парткома колхоза Валентин Беленко. «Да всякое бывало за столько лет», – ответил Афоня. После речи секретаря райкома военком вручил Афоне орден Красной Звезды. Зал рукоплескал, а Афоня проглатывал ком за комом, застревавшие в его горле. Когда его попросили сказать несколько слов, он, не выходя к трибуне, сжав обе руки в один кулак, сказал: «Этот орден я воспринимаю как награду всем моим сослуживцам. Пятерых потеряла наша застава. Недобитые баи много организовывали нам провокаций, но мы всегда их отгоняли. Спасибо за награду». Афоня сел, а зал встал, аплодируя ему. «Спасибо, Аграфена Максимовна, за сына!» –

прокричал в зал секретарь парткома. Аграфена сидела, съёжившись в углу зала, и плакала. В шуме односельчан она не расслышала слова парторга, да и мысли её были заняты памятью о Мите и Коленьке.

Шли годы, схоронили старого Половкова, а Аграфена всё ждала и ждала, когда же появятся внуки. Афоня на упрёки матери всё отшучивался, а Алёна опускала потускневшие глаза. Через 3 года она съездила в районную больницу, где обследовавший её врач-гинеколог сказала, что у неё всё нормально. Надо, мол, проверить мужа. Афоня долго упирался, но сдал анализы, которые отправили на исследование в Барнаул. Анализы оказались нормальными, с тем лишь недостатком, что у него «ленивые» сперматозоиды. После чего Афоня, как уж ни старался активировать их – и красным вином, и горячей баней, и разными настойками, а они не активизировались, и всё тут. Прошло ещё 3 года. Схоронили мать Алёны, и Аграфена махнула рукой на мечту о внуках. Да и бывшие молодые свыклись с мыслью о своей бездетности. Дом их стоял у переулка, по которому каждую весну скатывалась вода с улиц, разливаясь по степному лугу, растянувшемуся за огородами противоположной стороны улицы. И глубина воды была небольшой, в ямах доходившая до 50 см, а всё одно эти 20 метров переулка преодолеть, хоть и в галошах, было невозможно.

Наверное, из-за отсутствия детей, а может, ещё по какой причине, Алёна обихаживала Афоню, словно дитя. Он обладал хорошим голосом, знал множество песен и на гулянках был незаменим. Одна была у него беда – не мог он отказать от неё, растреклятой, после которой Алёна на второй день отпаивала его рассолами и разной

растворной жидкостью. А когда он отходил, садил его на табуретку, ставила чугунок с разогретым бараньим жиром на стол, вталкивала его лицо в чугунок, укрывала сверху фуфайкой и повторяла: «Дыши, мой соловушка, дыши, мой родимый, поправляй горлышко!» Афоня что-то мычал в чугунок, закашливался, матерился на чём свет стоит, но фуфайку не сбрасывал, ибо знал, что крепкие руки жены всё равно согнут его. Каждая весна для Афони была чистым испытанием. Любила Алёна часами общаться с соседками, особо с Надеждой, что жила через проулок. Что только не предлагала Алёна мужу, чтобы можно было переходить переулок. Наконец за лето она натаскала досок и брусьев, купила разного размера гвоздей и велела Афоне сбить мостки. Всю зиму он пилил, колотил, и к весне 20 мостков были готовы. Алёна каждый мосток проверила своим весом и осталась довольна. Как только снег сошёл в пролёте проулка, они уложили метровые мостки, и Алёна была очень довольная, переходя ежедневно проулок, убирая за собой лишь два мостка для проезда бричек и техники.

В ночь на воскресенье в середине апреля мороз сковал тонким льдом переправу. Алёна после дойки с бидоном молока стала переходить проулок. На середине перехода галоши Алёны скользнули, и она, вскрикнув, упала спиной в воду. Бидон опрокинулся ей на грудь, залил молоком её лицо. Она попыталась встать, но тяжёлый помост придавил ей ноги, и она, сидя почти по шею в воде, стала кричать: «Помогите!» Выбежавшие на крик соседи метались вдоль берега, не решаясь шагнуть на лёд. В это время Афоня, дающий корм корове, услышав крик, выбежал с вилами в проулок и увидел, как его жена

бархатается в воде, кроша руками лёд. Бросив вилы, он побежал по мосткам, но за два метра до неё, поскользнулся и грохнулся в воду по другую сторону перехода. Подскочив как ужаленный от холодной воды, Афоня с матом кинулся к жене, схватил обеими руками за плечи, пытаясь поднять. «Ноги, ноги ей ослобони», – прокричала соседка. Афоня, отбросив помост, стал поднимать жену, теперь спереди. Впервые за все прожитые годы, он почувствовал тяжесть тела своей жены. Он вертелся вокруг неё, пытаясь хоть как-то приподнять. «Да не мельтеши ты, как жук! Дай мне руку и упрись», – зло клацая зубами, прокричала Алёна. Схватив её руку, Афоня потянул, но рука скользнула, и он вновь оказался в воде. Дочь соседки засмеялась, и мать её, сама давясь от смеха, шлёпнула девочку по плечу и прошипела: «Марш в хату!» Алёна, не дожидаясь больше помощи, стала медленно разворачиваться и приподниматься. Круша лёд валенками, супруги молча направились к своему дому. – Алёна! Затопляйте баню! – прокричала им вслед соседка, давясь от приступа смеха.

– Подожди, дай прийти в себя.

– Бидон, бидон-то заберите, а то его могут раздавить, – вновь прокричала соседка.

Все соседи, кто у окон, кто у своих заборов, давились от смеха, пытаясь не обидеть пострадавших.

– Иди, подбери бидон, – ткнув Афоню в бок и продолжая цапать зубами, тихо проговорила Алёна.

– Да пошёл он! Идём скорей в дом! – дрожа всем телом, зло ответил Афоня.

– А я тебе сказала, иди и подбери! Где ты такой найдёшь!? – в упор уставилась Алёна на мужа.

Тот какое-то время поколебал-

ся и побрёл за бидоном. Бросив бидон к ногам жены, Афоня начал собирать мостки и сбрасывать их у стены пригона.

– Ты зачем рушишь переход? А я как буду переходить? – вскричала Алёна, становясь на его пути.

Соседи не расходились, продолжая наблюдать за действиями пострадавших. Алёна схватила вилы, стоящие у стены, и двинулась на мужа. Тот попятился с очередным помостом в руках, валенки зацепились за лёд, и он плашмя упал на спину. Помост придавил его грудь, погрузив всего в воду. Афоня заорал:

– Тону!

Одна голова его торчала из-за помоста. Алёна, бросив вилы, кинулась к мужу, отбросила помост и одним рывком подняла его на ноги. Отхаркиваясь и посылая в адрес жены отборные, никогда ещё не произносимые ранее маты, Афоня, не оглядываясь, заспешил в дом, оставляя за собой сырую дорожку. Соседи вокруг, держась за животы, издавали различные вопли, еле сдерживая вырывающиеся взрывы смеха. Сбросив в сених всю одежду, Афоня гольшом влез на печь, в которой ещё тлели плитки кизяка. Крутнувшись по горячей печи, он слез, стащил с кровати, стоящей напротив, покрывало с одеялом и вновь юркнул на печь. В сених слышался смех жены, затем шлёпанье сырой одежды, дверь открылась, и весёлый голос Алёны произнёс:

– Подштанники-то зачем снял!?

– А что, по-твоему, тебя я должен был дожидаться, пока ты мне сухие дашь, – отозвался Афоня с печи.

Алёна вначале постучала умывальником, потом звякнуло стекло, и на припечке Афоня увидел бутылку водки и стакан.

– А подушки-то ты почему не взял?

Она взяла подушку с кровати и бросила её Афоне. Когда Афоня увидел совершенно голую жену, дрожь в его теле ещё сильнее заходила ходуном.

– Ну-ка, приподнимись и держи стакан, да покрепче! Вон тебя как залихорадило, – с улыбкой проговорила Алёна, наливая водку в стакан.

– Ты куда-то полный, а закусь где?

– А закусью для тебя, я буду! Пей скорей, а то и мне же надо.

Алёна налила и себе стакан водки и, морщась, медленно, не отрываясь, выпила. Афоня сидел как замороженный, молча уставившись в груди жены. Не успела она ещё поставить бутылку на загниёт, как Афоня, словно голодный хищник, накинулся на жену. Такого с Афоней не происходило даже в медовый месяц. Измождённые, трижды пропотевшие, супруги уснули, не прикрывшись покрывалом. Алёна проснулась первой. Прикрыв покрывалом мужа, она соскользнула с печи и, глянув на часы, тикающие у окна, ахнула. Время показывало три часа, а в 4 ей нужно было уже доить коров. У неё выходных не было. Наспех перекусив, она тихо прикрыла за собой дверь.

Не прошло и недели, как всё село смеялось над пострадавшими на «переправе». Люди добавляли разные небылицы, вплоть до того, что, якобы, мостостроитель Афоня хотел утопить свою жену, но будучи здоровой бабой, она сама чуть не утопила его, придушив тяжёлым помостом. С той поры и пристало к чете Остроушко прозвище «Водолазы». Прошло три месяца, и Афоня стал замечать, что Алёна стала как-то осторожнее вести себя в постели, по поводу и без

него улыбалась, с какой-то особой нежностью относиться к нему. Её вдруг меньше стали занимать общения с соседками, а в жаркие дни она почему-то не стала подолгу находиться на солнце.

Неожиданное событие отвлекло Афоню от наблюдений за изменениями в поведении жены. Жизнь не переставала преподносить Афоне всё новые испытания. В июне корова привела во двор с собой огромного красношерстного бугая. Рога его, словно бивни слона, торчали из его огромного лба. Конец левого рога был сломан на четверть, и на нём выпячивались три зазубрины. Ежегодные посещения «женихов» Зорьки хозяев не удивляли, а даже радовали. Значит, в марте ждите телка. Придя с работы, Афоня пошёл в огород окучивать картошку. Набрав разной травы от прополки, он решил подкормить рогатую скотину. Вначале ничего коварного в поведении быка хозяин не заметил. Но взгляд красных глаз гостя Афоне явно не понравился. Зайдя в тепляк пригона, Афоня прошёл в курятник, собрал яйца, расставив их по карманам, и направился на выход. Когда он поравнялся с быком, тот, видимо, посчитал, что Афоня претендует на главенство, резко прыгнул передними ногами в сторону хозяина и сломанным бойцовским левым поддел оторопевшего Афоню. Зазубрины рога прошлись по рёбрам левого бока, и, зацепив руку под мышкой, рывком головы бык перекинул Афоню через свою холку. Хозяин упал у задних ног коровы, и та с испуга лягнула его в правый бок, отчего у Афони спёрло дыхание, а в глазах сверкнули искры. Он с трудом отполз в угол денника и затих, уставившись в задние ноги быка. Тот медленно развернулся, посмотрел на него,

как Афоне показалось, смеющимся взглядом и, мотнув огромной головой, шагнул с боку к корове, продолжая жевать угощение хозяина. Крадучись, Афоня стал медленно ползти к калитке денника, не сводя глаз со спокойно жующего бугая. Лишь за калиткой Афоня пришёл в себя. Весь измазанный коровьим помётом и битыми яйцами, держась за правый бок, Афоня медленно подошёл к кадушке, наполненной водой, сбросив одежду, в трусах, начал мыться. Левая рука его не поднималась, плечо стало неметь. Пришедшая с дойки Алёна, поохав, побежала за фельдшерницей. Две недели маялся Афоня дома с подвязанной рукой и обмотанной грудью, периодически меняя примочки на правом боку. Аграфена узнала о случившемся с сыном через недели три, когда Афоня привёз ей на тракторе сено. На следующий день она в обед пришла к снохе. Аграфена сразу заметила изменения в снохе и спросила с замиранием в сердце:

– Алёнушка! Неужто бог смилостивился! Господи! Дай мне силы понянчить своего внука!

– А если внучка!?! – со смешком, ответила Алёна.

– Да, мне хоть кто! Лишь бы свою кровинушку на руки взять!

Зашедший в прихожую Афоня поздоровался и начал стучать ручнойкой. Вытерев руки, он спросил:

– А чего это вы улыбаются и ничего не говорите?

– Да так, сынок. Смотрим на будущего отца: – со смеющимися глазами ответила Аграфена.

Афоня замер посредине комнаты, провёл ладонями по лицу и переспросил:

– Это, какого, ещё отца? Алёнушка, это что, правда!?

– Правда, правда, мой дорогой!

Садись обедать будем.

Афоня кинулся к жене, сидящей у края стола, и начал жадно её целовать. Та, смущаясь свекрови, пыталась оттолкнуть мужа, но он продолжал целовать приговаривая:

– Моя ты золотая! Лучшая, самая лучшая женушка на свете!

– Ну ладно, дети, вы тут обедайте, а мне теперь много дел надо сделать. Пойду я. Да ты, Афоня, глаз с неё не спущай и к тяжёлому труду не допускай.

Когда мать скрылась за дверью, Афоня забыв про боль в боку, схватил Алёну под ноги и впервые за все годы поднял её.

– Ой, Афонечка, да ты ж надорвёшься, такую коровушку поднимать, – обнимая руками шею мужа, ласково прошептала Алёна.

– Да мы с тобой, моя любимая, ещё заставим эти ленивые! Ну как их!?! Забыл!

– Сперматозоиды, Афонечка!

– Да, да! Мы теперь знаем, как их расшевелить.

Прошло ещё пять лет. Во дворе Афони стучали топоры, вжикала пила. Из хаты матери Афоня пристраивал комнату и веранду к своему дому. Стоящее в зените солнце припекало, купаясь в объёмной ванне рядом с колодцем, в которой плавали маленькие жёлтенькие утята. Поодаль, у бани, гоготали гуси, которым Алёна сыпала зерно, держа на руках двухлетнего сынишку Колю. На улице по зелёной травушке-муравушке бегали несколько ребятишек, среди которых резвился старший сын Афони Митя. На лавочке, у калитки забора, сидели три старушки, любующиеся ребятей.

– А твой-то, Аграфена, озорной, хотя и позднюшок, – проговорила соседка, стряхивая шелуху от семечек с фартука.